

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Л.С. Борина

ЭТНОНИМ «ШОРЦЫ»: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Актуальной проблемой этнологических исследований является проблема определения этнических границ. Границы, которыми определяет себя этнос (мы), одновременно являются границей между всеми остальными этносами (они), даже близкими в культурном и языковом плане. Этнические границы могут выстраиваться на разной основе: проживание на определенной территории, язык, отдельные значимые для группы элементы культуры, но такая граница всегда достаточно определена и фиксируется в едином, общем для всех членов этноса самоназвании (этнониме). Наличие этнонима является признаком наличия этнического самосознания, что, в свою очередь, является не только необходимым, но и вполне достаточным признаком этноса.

В исследованиях признается, что этническое самосознание, выраженное в самоназвании, вырабатывается в процессе формирования этнической общности. При наличии определенных внешних условий складывается совокупность факторов, под влиянием которых из нескольких этнических компонентов начинает формироваться новая этническая общность. В процессе ее складывания постепенно появляются признаки, объективно отличающие ее от других подобных общностей. Когда эти признаки становятся достаточно ощутимыми, формируется осознание членами нового этноса себя как определенной общности, а осознаваемые в той или иной степени отличия фиксируются в этнониме. Более того, этноним делает указанные отличия (границы) более четкими. Таким образом, возникновение общего устойчивого самоназвания, свидетельствующего об оформлении этнического самосознания, является свидетельством появления нового этноса¹.

В дальнейшем этноним может стать относительно самостоятельным по отношению к породившим его условиям, и даже стирание объективных этноразделительных признаков при сохранении этнонима позволяет этносу сохраняться. Исходя из всего вышесказанного этноним можно определить как своеобразный феномен: его возникновение и сохранение свидетельствует о возникновении и сохранении этноса, а исчезновение влечет за собой исчезновение самого этноса.

Однако этноним может не только выступать в роли фиксатора уже оформившихся признаков (границ), но и сам может задавать границы между этносами. В статье рассматривается вариант, когда искусственно созданный этноним «шорцы», внедренный усилиями государства в сознание близкородственных, но этнически неопределенных групп кузнецких татар, сыграл роль этнической границы и, следовательно, привел к образованию этноса — шорцев.

Современные шорцы — малочисленный тюркоязычный этнос, проживающий на территории Кемеровской области, Хакасии, Республики Алтай. В конце XIX — начале XX в. шорцы представляли собой конгломерат тюркоязычных родов — сеоков, проживавших на территории Горной Шории. Административно они входили в состав Кузнецкого уезда Томской губернии.

Во второй половине XIX — начале XX в. у кузнецких татар не было единого этнонима. «Сами они не имеют общего названия, а называют себя по рекам, на берегах которых живут — пызас-кижи (люди с Пызаса), мырас кизи — (люди с Мраса), том кизи (люди с Томи) — писал о шорцах в 1860-е годы известный тюрколог В.В. Радлов, — или по инородческой управе, в которую входили»². Названия инородческих управ совпадали с родовыми самоназваниями. Данные В.В. Радлова подтвердил А.В. Анохин, проводивший в 1915–1916 годах исследование населения Алтая по заданию Русского географического общества. Он называл группы кузнецких татар «шорцами», но отмечал, что сами шорцы себя называют различно, в зависимости от ситуации. «Если шорца спрашивает инородец же: По кизи сене — кто вы такой, то первый ответит свой род, например, тайаш чоны, кобий чоны и т.д. или свое место жительства: прас чоны — мрасский, модым чоны — кондомский, тоос апсак кизи, или просто отвечает орду кизи — верховской, алтыгы кизи — низовской»³.

Наличие целой иерархии самоназваний, включающей в себя родовой уровень, территориальный и локальный, характерно для этноса с незавершенным процессом этнической консолидации. Многоступенчатость самоназваний — показатель многоступенчатости самосознания, что, в свою очередь, является признаком формирующегося этноса.

За пределами своей родовой территории соседям, близким в языковом и культурном отношении («своим»), шорцы представлялись на своем языке как «шор кизи» — шорец, «аба кизи» — абинец или «аба чиж кизи» — черновой абинец⁴ и т.д. Так же называли их и соседи. Телеуты кузнецких инородцев называют «шор кизи или абалар, кумандинцы и челканцы — шор кизи, а живущих в верховьях рек — йыш кизи. Южные алтайцы называют шорцев: шор кизи и аба кизи»⁵.

Для русских же на русском языке шорцы использовали официальное название («чужое») — кузнецкий инородец или кузнецкий татарин, черновской.

По-разному инородцев, живущих в Кузнецкой тайге, называли и русские: кузнецкие татары, кузнецкие инородцы, шорцы, таежные инородцы, черновские инородцы. Называли их и по реке, на которой они жили: мрасские инородцы, кондомские инородцы, матурские, томские — или по месторасположению на реке: верховские, низовские⁶.

«В самоназвании шорцев примечательно то, что они не называют себя татар кижги, — отмечал А.В. Анохин, — но когда заставляют говорить кого-нибудь на татарском языке, то говорят: татар талибала айт — говори по-татарски»⁷. Термин «тадар» кроме шорцев употреблялся соседними кумандинцами, челканцами, телеутами, хакасами⁸. Видимо, он утвердился под влиянием русского населения: «татарами» русские называли без различия всех говоривших на тюркских языках. С одной стороны, это было привычное для русских наименование «инородцев», с другой — свидетельство, подтверждающее этническую аморфность, этнокультурную неопределенность, т.е. отсутствие сложившихся этносов⁹.

Использование различных самоназваний в общении с разными группами людей говорит, с одной стороны, о ситуативности феномена идентификации, с другой — о наличии достаточно четкой границы между «своими» и «чужими». При этом в разной ситуации «своими» и «чужими» являлись разные группы. «Своими» могли выступать сеок, или ближайшие соседи, или все, кто говорит на близких языках.

Для «своих» — ближайших соседей — называли себя либо по родовой принадлежности, что считали наиболее значимым, так как человек мог быть только член рода, либо по местам проживания. «Хотя в Казани я ношу имя алтайца, но это на самом деле не так. <...> Я по своему происхождению шорец»¹⁰, — писал о себе первый шорский писатель И.М. Штыгашев, уроженец сеока Шор. Он считал «странным и немного даже обидным для соплеменников» то, что «в Кузнецке звали меня Иваном Сагайским, в Улале — Иваном Кузнецким, а теперь в Казани меня зовут Иваном Алтайцем, и хоть бы раз кто назвал меня где-нибудь Иваном Шорцем! Значит, я как шорец более не существую!»¹¹. Названия «шорец» и «алтаец» у И.М. Штыгашева не являются обозначением этнической принадлежности. В первом случае — это обозначение родовой, наиболее значимой для автора принадлежности, во втором — название, данное ему по месту проживания людьми, недостаточно хорошо знакомыми с ситуацией на Алтае (взгляд со стороны, в то время как этничность определяется, по Ф. Барту, тем комплексом черт, которые считает для себя значимыми сама этническая группа).

Нежелание И.М. Штыгашева считаться «алтайцем» очень показательно. Он развернул целую систему доказательств в подтверждение того, что он не алтаец, а шорец. «Алтай имеет свои пределы и свою область, в состав которой моя родина <...> не входит. <...> Нет, я не алтаец, так как живу далеко за пределами Алтайской облас-

ти»¹². Указанное положение заставляет обратить внимание на условность термина «алтайцы» применительно к XIX — началу XX в.: далеко не все, кто жил на территории Алтая, считали себя алтайцами. Алтай — обширная территория, а «Родина», «родная земля» ассоциируется с конкретным местом проживания. Она неразрывно связана с родовой, точнее номинально-родовой принадлежностью, так как род (сеок) уже не был замкнутым социально-хозяйственным организмом. Это подтверждает данные о неразрывном единстве сеока и территории. Закреплению представлений о «своей земле» способствовал и «Устав об инородцах» 1822 года¹³.

На рубеже XIX–XX в. границы между двумя современными этносами — шорцами и хакасами — оставались очень расплывчатыми, взаимно преодолимыми из-за постоянных миграций родов, отнесенных к шорцам, на территорию проживания современных хакасов. Эта «преодолимость» сохранялась и в 1920-е годы. Препятствием для них не являлись и установленные административные границы.

Превращение конгломерата близкородственных, но этнически неопределенных тюркоязычных родовых групп кузнецких татар в шорский этнос явилось результатом стечения целого ряда обстоятельств. Решающую роль в выделении шорцев из общего массива тюрков юга Сибири сыграл случайный фактор — закрепление за ними этнонима «шорцы». Речь идет об искусственно сконструированном термине-этнониме, который далеко не сразу утвердился даже в научной литературе.

Термин «шорцы» для обозначения тюркоязычных групп, проживающих в верховьях реки Томь, был предложен академиком В.В. Радловым в середине XIX в. в научных целях. Названия двух родов — кубан и шор — он перенес на родственные по языку и культуре группы для простоты классификации аборигенов. Ученый объединил под этим обобщенным названием группы кузнецких татар и выделил их из родственных по языку и культуре телеутов, кумандинцев, челканцев, абаканских татар.

Главным критиком предложенного термина выступил миссионер Алтайской духовной миссии В.И. Вербицкий. Он не считал нужным отделение родовых групп верховьев реки Томи от общей массы черневых татар (северных алтайцев), определяя, что «шорцы суть черневые же инородцы»¹⁴, а не особый народ.

О. Василий указывал и на то, что сеок (род) Шор далеко не самый многочисленный из родов кузнецких татар и «такое предпочтение будет обидно Каларцам, Изушерцам, Кызыльцам, Кийцам, Кобыйцам, Каргинцам, Бежбояковцам, Барсоятцам и Абинцам, говорящим одним языком»¹⁵.

В.И. Вербицкий не только критиковал классификацию Радлова, но и предложил свое деление коренного населения Горной Шории,

бассейна Бии и прителецкой горной тайги. Он разделил его на две части: кумандинцев и черневых татар. В свою очередь черневые татары подразделялись Вербицким на «бийцев», т.е. тубаларов и челканцев-лебединцев, и «мрассо-кондомцев» или «бирюсинцев». Последние состояли из перечисленных выше родовых групп — т.е. именно тех, кого Радлов выделил под названием «шорцы». Деление, предложенное миссионером, являлось более верным, так как о. Василий обозначил два этнокультурных пласта более ранних времен: абинско-кумандинский и шорско-каргинский.

Обращает на себя внимание то, что шорско-каргинскую (верховскую) этническую общность из общего массива тюрков Алтая выделили и Радлов, и Вербицкий, хотя и под разными названиями. Дело в том, что именно в ней в значительной степени сохранились древние хозяйственно-бытовые и ментальные традиции. Эти традиции были гипертрафированы ясачной политикой царизма, под влиянием которой акцент в комплексном хозяйстве был перенесен лишь на охотничью составляющую, да еще и в условиях горно-таежных «неудобий». Итогом явилась общая деградация хозяйства и культуры. Однако именно реархаизация хозяйства сделала шорско-каргинскую общность привлекательной для этнографов и историков. В дальнейшем весь комплекс этнокультурных особенностей этой группы был распространен учеными на всех кузнецких татар, включая абинцев.

У абинцев (низовские) в это время ведущей тенденцией развития явилось сближение с русскими, выразившееся в появлении общих элементов материальной и духовной культуры.

Эти две общности, значительно отличающиеся по уровню социально-экономического развития, хозяйству и менталитету, и были объединены общим термином «шорцы».

К началу XX в. ни в абинской (из-за влияния русского населения), ни в шорско-каргинской (из-за слабой этнической консолидации, одной из причин которой являлся сложный рельеф местности) общностях не сложилось единого этнического самосознания, выраженного в едином, общем для всех этнониме. Следствием стало сохранение родовой обособленности. Родовая принадлежность, как мы говорили выше, явилась главным идентификационным признаком для всех групп. Между тем ее нельзя рассматривать как принадлежность этническую, так как этничность возникает там и тогда, где и когда возникает осознание общности на любых признаках, не сводимых к родству.

Классификации тюрков Алтая, предложенные В.В. Радловым и В.И. Вербицким, сосуществовали до начала XX в., но, в конце концов, утвердилась классификация, предложенная В.В. Радловым. Вследствие этого было признано, что тюркоязычное население юга Кузнецкого края является конгломератом разных тюркских племен, объединенных общим названием «шорцы», но составляет единый

народ — этнос. Научному термину «шорцы» вследствие этого признания был придан характер этнонима. Именно этот термин-этноним был в начале 1920-х годов перенесен на автохтонное население, проживавшее на территории Кузнецкого уезда. Так появились этнос шорцы, и одновременно этнонимом были заданы этнические границы.

Искусственное перенесение самоназвания одного из родов — «шорцы» — на целую группу родов в качестве этнонима во многом определило характер процессов, идущих в их среде. Указанный этноним не вырос изнутри этнической общности, а был внедрен извне, следовательно, он не являлся выражением оформленного этнического самосознания. В момент обозначения ряда родов «шорскими» самих шорцев как отдельного, особого этноса еще не существовало, был только сеок с соответствующим именем. Вследствие указанного выделения шорцам искусственно была навязана роль центра этнической консолидации.

Процесс этнической консолидации шорцев был запущен государством, а не шел естественным путем. В 1926 г. территория, населенная кузнецкими татарами, была выделена в Горно-Шорский национальный район. Причины его выделения были не только политико-административные. Одна из причин — предположение о присущем населению этого района этнокультурном своеобразии, что в 20-е годы XX в. являлось заблуждением.

Создание района имело целый ряд последствий. Произошло закрепление за шорцами этнической территории, что является обязательным условием формирования этноса; шорцы были административно выделены из столь же этнически неопределенных групп хакасов и алтайцев, к которым они тяготели; были созданы условия для завершения процессов этнической консолидации шорцев и складывания шорской народности. Следствием явилась и серьезная деформация этнического самосознания, проявляющаяся до сих пор.

Государство, выделив территорию проживания абинцев и шорцев в национальный район, закрепило термин-этноним «шорцы» за теми, кто себя шорцами не считал. В этом плане просьба делегатов-шорцев, высказанная во время работы Татаро-Шорцевского съезда (5–8 июля 1924 г., с. Куздеево)¹⁶, уже не кажется случайной: они просили представителя власти рассказать им, кто такие шорцы! Следовательно, в сознании самих шорцев, границы, которую очерчивал закрепленный за ними этноним, не существовало.

Аллоэтноним «шорцы» в 1920-е годы не использовался населением для обозначения себя и себя «своим». Шорцы по-прежнему для «своих» называли себя по сеоковой принадлежности, а для обозначения себя «чужим», в том числе государству, достаточно быстро стали использовать официальное название, закрепленное за ними. Так, в опросных листах, заполненных в 1926 г. представителями ад-

министрации, все выходцы из автохтонного населения определяют свою национальность как «шорец».

Хорошо осознавалась самими шорцами «чужеродность», искусственность этнонима «шорцы», закрепленного за ними. Не случайно вопрос «почему мы шорцы?» поднимался шорцами в 1920–1930-е годы на самых разных уровнях. Закрепление искусственно сконструированного этнонима сыграло немалую роль в осознании своей «обескоренности», создало условия для маргинализации, для того, чтобы бесконечно задавать вопрос «кто мы?» и не находить на него ответа. Этноним «шорцы» воспринимался как обидная кличка, подтверждающая разрыв с традицией и собственной культурой. На его базе оформился устойчивый отрицательный автостереотип.

Подтверждением высказанного положения является то, что неоднозначное отношение к этнониму «шорцы» сохранилось до сегодняшнего дня. Так, часть шорской интеллигенции выступает за исправление «серьезной исторической ошибки, искусственного возвышения сеока Шор над другими сеоками». Восстановление исторической справедливости видится в возврате к «историческому самоназванию шорского народа» — этнониму «тадар», которое, по мнению этой части национальной интеллигенции, является автоэтнонимом. Его восстановление объявляется необходимым для того, чтобы «перестать мучиться духовной неполноценностью»¹⁷.

Внедрение этнонима «шорцы» в структуру самосознания автохтонного населения и наполнение содержанием конструкции, созданной в результате закрепления указанного этнонима, явились результатом целенаправленной деятельности государства через создаваемую им систему образования, средства массовой информации, политические структуры, паспортную систему. Этот процесс развернулся в противоречивых условиях, так как на его формирование одновременно действовали как интегрирующие, так и дезинтегрирующие факторы. К концу 1930-х годов этноним «шорцы» широко использовался для обозначения себя «чужим», но для «своих» идентификация по-прежнему шла по родовому принципу. Немалую роль в закреплении за населением этнонима «шорцы» и внедрении его в самосознание населения сыграла созданная в ходе политики «коренизации» национальная интеллигенция.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что этнические границы могут возникать двумя путями: путем естественной эволюции и в результате конструирования. В случае, рассмотренном нами, роль конструкта сыграл аллоэтноним «шорцы».

1. Крюков М.В. . Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6. С. 63.
2. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 93.
3. Анохин А.В. Кузнецкие инородцы Томской губернии // Шорский сборник. Вып. 1: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово, 1994. С. 53.
4. Анохин А.В. Указ. соч. С. 53.
5. Там же. С. 53.
6. Там же. С. 52.
7. Там же. С. 53.
8. Кимеев В.М. Этнический состав шорцев // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири: Межвуз. сб. науч. трудов. Кемерово, 1986. С. 45.
9. См.: Шерстова Л.И. Ментальность переходного этноса: Южная Сибирь в XIX — начале XX века // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международ. симпозиума. Новосибирск, 1999. Т. 2. С. 506.
10. Штыгашев И. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева. Казань, 1885. С. 25.
11. Там же. С. 34.
12. Там же. С. 25.
13. См.: Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX века // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 104.
14. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск, 1999. С. 342
15. Там же. С. 342.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р–480. Оп. 1. Д. 1.
17. Байлагашев В. Этноним народа и его культура // Туган Чер. 1999. № 12. С. 4.

Н.И. Бондарь

**ДЕД/ДИД — БАБА
(МАТЕРИАЛЫ К ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ СЛОВАРЮ КУБАНИ)**

Данная статья является продолжением ранее опубликованных материалов, которые должны войти в программируемый словарь: «Угол/Вугол, Глухой/Глухий угол», «Осина», «Хлеб/Хлиб», «Кукушка» и др.¹ Основу статьи составляют полевые материалы ежегодной Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции. В одной из них, КФЭЭ–1996, принимал участие и А.М. Решетов.

Концептуальная основа словаря (структура, содержание и т.п.) в полной мере не определена. Подобного рода публикации, помимо того что они вводят в научный оборот новый фактологический материал, позволяют найти его оптимальную форму и содержание.